

Лев Николаевич

Толстой

Греческий учитель Сократ

(1885 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYU, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYU FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-

томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

**** ГРЕЧЕСКИЙ УЧИТЕЛЬ СОКРАТ.

I.

Сократ хочет узнать, как людям жить надо, и слышит в своей душе голос.

Сократ родился в Греции, в городе Афинах. Отец Сократа был рабочий, каменотес, а мать повивальная бабка. От этого-то Сократ и говаривал часто, что мать его была бабушка, – помогала людям рожаться, и он тоже делает, только помогает не людям, а мыслям людским рожаться.

Отец Сократа учил его своему мастерству, посылал и в училище учиться грамоте и другим наукам. В Афинах все были грамотные, и было много разных училищ. Были самые бедные училища, где дети учились на дворе и буквы выводили палочками на песке. Были училища побогаче, где учились грамоте, черчению, счету и читали стихи. Были училища и самые высокие, где ученики обучались всему тому, что знали в то время греки.

Сократ был смолоду понятлив и охоч до ученья, и отец отдал его в высшее училище. И выучился Сократ в училище всем наукам и прочел сочинения всех лучших греческих писателей.

Кончил Сократ науку и вернулся к отцу и опять стал работать своим ремеслом, камни тесать. Работал Сократ хорошо, но за работой часто задумывался. Задумывался Сократ о том, что прошел он все науки и узнал всё то, чему учили людей, и ничего-то он не узнал того, что ему и другим людям знать нужно было.

«Надо, – думал Сократ, – дойти и понять, как жить человеку. А то учимся мы все много, и нет нам от нашего ученья прока. Хоть мы бы все звезды узнали и все камни в море учли и всех тому же научили, что я знаю, житье наше не стало бы от этого лучше. Все мы, люди, хлопочем, ищем каждый себе добра, а разберешь дело – мы вместо добра себе зло готовим. И не знает никто из нас, в чем настоящее добро для человека. Вот я учился, учился, а спроси меня, как человеку жить надо, – я и не знаю. А это одно нужно знать человеку. Только и пользы от моего ученья, что я узнал, что ученье всё наше пустое. Прежде, до ученья моего, я думал, что я что-нибудь знаю, а теперь верно знаю, что ничего не знаю. Только и проку от моего ученья, что я знаю теперь то, что я ничего не знаю. Учили меня про богов, что они создали людей и награждают их, если люди живут по их наказу, и казнят их, если люди не то делают, что велят боги. Но чего же хотят от нас боги и как они велят нам жить?»

И стал припоминать Сократ всё, чему учили его про богов. Богов почиталось у греков много. Один бог неба считался главным; другой считался богом морей; третий – богом ветров; четвертый – богом солнца; пятый – богом войны; шестой – богом веселья; седьмой – богом смерти.

Были и богини; была богиня мудрости, богиня вражды, богиня земледелия, богиня рукоделия и еще много других богинь. Писано было про богов, что живут они на небе, как люди на земле, и женятся, и блудят, и ссорятся, и плутуют, и воют. Про главного бога Зевса учили, что он был силен и страшен: кто ему угождал, тому он давал во всем удачу, а на кого гневался, на того пускал молнию и убивал. И так представлен был Зевс в храме из камня, как большой, здоровый старик, с молнией в руке.

Начал же царствовать на небе Зевс с того, что сбросил с неба родного отца своего – Ад. Вспомнил это Сократ, вспомнил и о том, что учили про Зевса, как он с своей женой ссорился и обманывал ее, как напивался до-пьяна небесным напитком и как его тогда обманывали другие боги и даже люди. И понял Сократ, что если и есть такой Зевс, то Зевс этот не знает, как жить надо, так и от него заняться нечем.

После Зевса в почете была еще богиня Афина, – в честь ее и был назван город. Была такая кукла большая высечена из камня и поставлена на главной площади. На голове у нее был большой шлем и в руке было золотое копье. Учили про эту богиню, что она научила народ мудрости. И стал припоминать Сократ всё что учили про нее. И тоже,

когда он разобрал дело, то увидел, что и от этой богини выучиться нечему. По рассказам была эта Афина хитрая и жестокая, помогала своим любимцам, а другим вредила без вины. И учили еще, что Афина эта узнала раз, что одна девушка гречанка прядет и ткёт не хуже ее самой, то так раздосадовалась на девушку-мастерицу, что обернула ее в паука и велела ей век прясть.

Про других богов учили про такие же плохие дела.

Назывались боги богами, а дела их были человеческие, да еще часто плохие.

И подумал Сократ: «Нет! эти боги не настоящие, и через них не узнаешь, как человеку жить. Эти боги такие же слабые, как и мы, люди, они сами поступают не по правде, от них не научишься отличать добро от зла. А настоящий Бог должен быть праведен и научить человека, как ему жить».

И стал искать Сократ такого Бога. Не год и не два мучился Сократ, и не давали ему его мысли покоя ни днем, ни ночью. Но пришло время, и открылось Сократу то, чего он искал. Узнал он того Бога, которого искал и которого не знали греки, и нашел он Его ни где-нибудь, а в своей совести.

Пока искал Сократ этого Бога праведного, случалось с ним не раз и не два, и ночью и днем, когда задумается Сократ и хочет такое или другое дело сделать, вдруг слышит голос у себя в душе. Если хорошее, голос говорит: «делай, Сократ»; если дурное, голос говорит: «не делай, Сократ». И привык Сократ прислушиваться к этому голосу. И голос всё чаще и чаще говорил Сократу. И всё, что он говорил Сократу, была правда.

И подумал Сократ: «Если хорошее голос говорит, кто это говорит мне? Не я сам, а кто-то другой, – кто ж это? Голос этот всегда говорит правду. Научает он меня жить праведно, и потому знаю, что это голос Божий».

И голос этот стал Сократ называть Богом. И голос этот открыл Сократу то, что он хотел знать, – то, как надо жить людям.

И когда Сократ узнал этого Бога, то увидел он, что узнать этого Бога может каждый человек и, так же как и он, узнать от этого Бога, как жить надо.

И сказал себе Сократ: «Дело это великое; если я узнал правду и добро, то надо мне этому и других учить, чтобы и им было хорошо».

Когда Сократ дошел до этого, отец его уже помер, и был он сам женат, и были у него дети. Когда он сказал своей жене то, что открылся ему голос Бога, то она не поверила ему. Когда же он сказал ей, что он это будет всем говорить и всех будет учить этому, то она стала его отговаривать. «Не делай, – говорит, – этого. Бросишь ты мастерство, станешь учить народ – только беды наживешь, да и мне с детьми жить плохо будет. Брось ты эти затеи, и без тебя учителей довольно».

Но не послушался жены Сократ. Видел он, что народ вокруг него бедствует и мучится всё оттого, что не знает, как жить, и что если он знает это, ему нельзя это про себя таить. Так и голос Божий говорил ему.

В самые старинные времена до Сократа греки жили хорошо. Земля у них была теплая и плодородная. Они всё сами работали: пахали, сеяли, сады разводили, водили пчел и скотину. И богатых, и бедных, и господ, и рабов у них не было, а все жили равно. Потом стали греки воевать, стали обижать соседей. На войне захватывали добычу, и золото, и серебро, и вещи всякие, и скот, и людей забирали в плен и держали в рабстве. Стали от войны греки богатеть, и стала их жизнь портиться. Кто посмелее, тот военным делом занимался. Кто поумней, тот в управление, в начальство попадал. Кто поизворотливей, тот стал заниматься торговлей. А от черной работы греки совсем отстали, и никто из них ничего не работал.

Во времена Сократа в Афинской земле рабов было больше, чем господ: господ сто тысяч, а рабов триста пятьдесят тысяч. Всякую работу делали рабы, так что греки–господа за стыд считали заниматься каким–нибудь ручным делом. Вся забота господ была в том, как бы торговлей, или войной, или в начальстве побольше нажить денег и закупить себе сильных и искусных рабов и рабынь и жить в свое удовольствие.

И жили так греки и избаловались совсем, и никто из них не думал о том, чтобы жить по правде, помочь брату, пожалеть раба и послужить другому, а все думали только о том, как бы нагнуть другого да на нем ехать.

И видел Сократ, что заблудился народ и что сами себя губят, и выходил Сократ на площадь и при всяком случае говорил им то, что ему говорил голос, – что жизнь их дурная и что не так жить надо.

II.

Как жить надо?

Встретил раз Сократ на площади молодого господина, богача, – звали его Аристон. Аристон был человек не глупый и не злой, но жил, как все богатые греки – не принимался ни за какое дело, а жил только в свое удовольствие.

Встретил его раз Сократ и стал с ним говорить. Подошел народ и стал слушать. Сократ и говорит:

– Здравствуй, Аристон! Что давно не видать тебя? Верно, ты работой какой занят, тебе и некогда шляться, как нам?

– Нет, – говорит, – я никакой работой не занят. Да и на что мне работать? И нечего и незачем. Мне и так хорошо. Я ведь не бедняк какой-нибудь, а человек достаточный, слава богам! Какая же мне неволя работать или хлопотать? Вот нешто в начальство, если бы выбрали, пожалуй, из чести и пошел бы. Да и то навряд. Возьмешь должность какую-нибудь – всё забота. Хочешь, не хочешь – иди, слушай, говори или пиши. Всё это докука лишняя. Из чего мне себя неволить? Деньги у меня есть, рабы есть, что ни вздумаю, то будет у меня. Живу весело, чего же мне еще?

– Это точно, что неволи тебе нет, – сказал Сократ, – да только хорошо ли будет, если ты весь век так проживешь?

– А отчего же нехорошо? Чего же еще лучше, как весь век в удовольствиях прожить?

– То-то, хорошо ли будет? – сказал Сократ. – Не всё то всегда хорошо, что нам хорошим кажется. Слышал ли ты о Геркулесе?

– Кто не знает о Геркулесе, какой он богатырь был и какие дела славные делал и какую славу заслужил, – сказал Аристон.

– Ну, а слышал ты, как он путь жизни выбирал? – сказал Сократ.

– Этого не слышал.

– А не слышал, так я расскажу тебе, – сказал Сократ. – Рассказать, что ли?

– Расскажи, Сократ, – сказали другие.

И Сократ стал рассказывать:

– Вот видишь ли: когда Геркулес вырос, задумался он над тем, какую ему избрать жизнь. И пошел он прогуляться и всё с собой думает: что ему делать и как жить? И вот шел он, шел и зашел далеко в поле и видит: откуда ни возьмись, в чистом поле идут к нему навстречу две женщины. Подивился Геркулес и пошел сам к ним навстречу. Видит: одна ни большая, ни маленькая, ни толстая, ни худая, ни нарядная, ни замаранная, а простая и неприметная, идет ровно, тихо, не торопится, а другая – высокая, толстая, в пышном платье, набеленная и нарумяненная. Неприметная шла прямо и не оглядывалась по сторонам. Нарядная же подергивалась, охорашивалась и всё оглядывалась, на тень свою смотрела. Вот стали они подходить к Геркулесу, нарядная подпрыгнула и выскочила вперед и прямо к Геркулесу.

– Знаю я, – говорит, – что раздумываешь ты о жизни: какую тебе жизнь избрать и по какой дороге идти? Вот я и вышла показать тебе самую лучшую мою дорогу. Пойдешь со мной, всё тебе легко и весело будет. Не будет у тебя ни трудов, ни заботы, ни печали. Печали тебе никакой не будет, веселье на моей дороге никогда не будет перемежаться, – от одного веселья будешь переходить в другое, забота только та и будет, что выбирать: какое сладкое кушанье слаще, какое вино вкуснее, какая постель мягче, какое веселье веселее. А трудов только и будет, что

приказать то, что тебе вздумается. Всё, что прикажешь, другие тебе и сделают.

Хорошо показалось Гераклу обещание толстой женщины и, чтобы запомнить ее, спросил, как ее имя.

– Имя мое настоящее, – сказала женщина, – Счастье. Ненавистники только по злобе называют меня Роскошью. Так дразнят меня. Имя же мне – Счастье.

Неприметная женщина стояла тихо, пока говорила нарядная; но когда она кончила, неприметная тоже заговорила и сказала:

– Прежде всего я скажу свое имя; зовут меня – Праведность, и нет мне другого имени. Не стану тебя заманивать соблазнами, как вот эта, а скажу тебе прямо, в чем благо всякого человека. Ты увидишь, что только со мной и найдешь благо. Ведь ты сам знаешь, что для того, чтобы земля родила, надо над ней потрудиться; хочешь, чтобы скотина была, надо за ней походить; [чтобы] дом хороший был, надо камни тесать и ворочать; хочешь, чтобы люди почитали тебя, надо трудиться для них; чтобы боги любили тебя, надо делать их волю. А воля их в том, чтобы трудами своими заплатить за труды других. По этой дороге я поведу тебя, и на этой дороге только есть благо.

Еще не договорила неприметная, как нарядная опять выскочила вперед.

– Видишь ли, – говорит, – Геракл, на какую трудную дорогу она хочет увести тебя. Труды, труды и труды только она и обещает тебе. А радость–то будет или нет, – не лучше ли идти со мной? Со мной не будет трудов, а с первых шагов будут только улады. Будешь сладко есть, вкусно пить, мягко спать. Пойдем со мной, – сказала нарядная и хотела взять Геракла за руку.

– погоди, – сказала неприметная. – Ты говоришь: сладко есть и пить; и думаешь, что это добро, но ты и есть–то и пить не умеешь. Ты и ешь–то и пьешь–то не во–время, не тогда, когда есть и пить хочется, а от скуки. И тебе самые редкие кушанья и дорогие вина в рот не идут. Ты обещаешь ему спать сладко, да ты и спать–то не умеешь; ты, чтобы заснуть, подкладываешь под себя мягкие перины, подушки, но и на них заснуть не можешь, потому что ты ложишься спать от скуки. Заснешь хорошо только поробавши, а тебе не от чего отдыхать. Знаю я тебя и знаю тех несчастных, которых ты погубила своими соблазнами праздной и сладкой жизни. Мало ли их теперь на тебя плачется за то, что растратили беспутно с тобой молодые годы? За то–то и гонят тебя все честные люди и называют и Роскошью и Развратом. Я же не обманула никого из тех, кто пошел за мной. Все те, кто с молодых лет пошел за мной, все они окрепли душой и телом, все они нашли на пути моем больше радости, чем горя, всех их любят и почитают люди, все они радостно вспоминают прожитой трудовой век и спокойно ждут смерти. На тебя ропщут, а меня никто никогда не упрекал за обман, и все чтут меня и называют все одним именем – Праведность. Вот на какую жизнь зову я тебя, Геракл!

Не стал более раздумывать Геракл и пошел за Праведностью. Пошел за

Праведностью в жизни и потрудился для людей и угодил людям и богам и себе нашел благо.

Кончил Сократ и говорит Аристону:

– Подумай и ты, Аристон, с кем из двух пойти – с Роскошью или с Праведностью. Решайся, пока есть время, чтобы на старости не каяться на свою глупость и не помереть, не угодив ни себе, ни людям, ни Богу.

III.

Как надо управлять народом?

Услышал раз Сократ, что один богатый человек, звали его Главконом, добивается быть начальником. Сократ знал его, что он человек неопытный и беспечный, и захотел Сократ уличить его.

Встретил его раз Сократ на городской площади. Стоял Главкон посреди народа, и люди с почтением говорили с ним. Все ждали, что он скоро будет начальником, и тогда каждому до него нужда будет. Главкон ждал, что его выберут, и гордился перед народом. Подошел и Сократ.

– Здравствуй, Главкон! – сказал он. – Я слышал, что ты будешь у нас правителем.

– Да, надеюсь, что так, – ответил Главкон.

– Что ж, дело хорошее. Когда получишь должность, многое будет в твоей власти: можешь много людям добра сделать. И слава твоя далеко пройдет.

– Да отчего же и не так? – сказал Главкон. – Отчего же мне и не быть хорошим правителем?

– Хороший правитель тот, – сказал Сократ, – и слава про того хорошая, кто своему народу много пользы сделал. Не так ли?

– Разумеется, – отвечал Главкон.

– Так, пожалуйста, не скрывай, расскажи же нам: какую ты думаешь сделать пользу народу, с чего ты начнешь?

Главкон замешкался и не сразу ответил. Он не придумал, с чего начать. Пока он думал, Сократ сказал:

– Что же ты задумался, ведь нетрудно понять, чем народу пользу сделать. Народ ведь такие же люди, как и мы все. Если бы ты своему приятелю желал бы добро сделать, ведь первое дело, ты бы постарался

ему богатства прибавить?

– Разумеется, – ответил Главкон.

– Ну, так ведь то же самое и с народом, – сказал Сократ. – Сделать добро народу – значит, чтобы все были богаче. Не так ли?

– Как же не так, – сказал Главкон.

– Ну, а как же сделать, чтобы весь народ был богаче? – спросил Сократ. – Я думаю так, чтобы у всякого народа было больше прихода и меньше расхода. Не так ли?

– Я думаю, – отвечал Главкон.

– Скажи же мне, Главкон, откуда теперь у народа доходы и сколько их? Ты, наверное, уж всё это знаешь.

Нет, я этого не знаю, – сказал Главкон, – не подумал еще об этом.

– Ну, об этом ты не подумал, – сказал Сократ, – так зато ты уж, верно, подумал, сколько на нужды надо расходов. И если теперь расходы лишние, ты верно придумал, как их скинуть.

– Нет, – сказал Главкон, – и на это ответить теперь не могу. Я и об этом еще не подумал.

– И об этом не подумал еще, – повторил Сократ. – Ну, что ж, еще успеешь. Ты, верно, всё думал о том, чем бы тебе обогатить народ? Что же ты об этом думал? Чем, ты думаешь, можно обогатить народ?

– Обогащать народ, – сказал Главкон, – я думаю, лучше всего войной. Завоевать другие народы и забрать у них всё богатство и поделить.

– Это верно, – сказал Сократ, – так короче всего обогатить народ, да только бывает и то, что не завоеешь чужие народы, а только потратишься напрасно на войну народом и деньгами, тогда ведь народ не разбогатеет, а обеднеет.

– Это так, – сказал Главкон, но войну надо начинать только тогда, когда верно знаешь, что ты победишь, а не тебя победят.

– Значит, чтобы начинать войну, надо верно знать силу своего народа и силу неприятеля? – сказал Сократ.

– Разумеется, надо знать, – сказал Главкон.

– Так скажи же мне, Главкон, какие у нас военные силы готовы для войны и какие силы у того неприятеля, с которым ты хочешь воевать?

– Верно не могу сказать этого, – сказал Главкон, – наизусть и не запомнить.

– Так у тебя, верно, есть записи, принеси их, пожалуйста, мы их

прочтем, посчитаем, – сказал Сократ.

– Нет, записок у меня нет, – сказал Главкон, – да и неприятеля войска нельзя сосчитать.

– Это жалко, – сказал Сократ, – потому что если нельзя сосчитать неприятеля, да нельзя никак вперед узнать, мы ли завоюем или нас завоюют, так выходит, что твое средство обогатить народ не очень-то надежно. Обогатишь ли, нет ли – неизвестно; погубишь народа наверное много, да вместо богатства обеднеешь. Так это мы оставим, а скажи нам еще об одном, – сказал тогда Сократ. – Скажи нам, Главкон, сколько нужно хлеба на прокормление всего народа? Каков был у нас урожай в этом году, и станет ли у всех хлеба до новины? Ты, верно, обдумал это?

– Нет, я об этом еще не справлялся, – отвечал Главкон.

Замолчал Главкон, и все замолчали. Тогда Главкон сказал:

– Ты до всего так допытываешься, Сократ, что если всё так обдумывать и считать, как ты спрашиваешь, то управлять народом будет слишком трудно.

– А ты думал – легко? – сказал Сократ. – Спрошу тебя последнее: я слышал, ты начал помогать дяде в хозяйстве, а потом бросил. Отчего это случилось?

– Трудно было мне, – отвечал Главкон, – и хозяйство большое, и дядя меня не слушал.

– Вот видишь, ты с одним домом не управился, а целым народом берешься управлять. Братся-то можно за всякое дело, да удаётся оно только тому, кто его понимает. Смотри, чтобы вместо славы и почестей не нажить себе беды. Поди узнай прежде хорошенько всё, о чем я тебя спрашивал, и тогда уже думай об управлении.

Молча отошел Главкон от Сократа и перестал добиваться места управителя.

IV.

Кто лучше – раб или господин?

Случилось раз, пришел к Сократу его сосед Аристарх и стал ему жаловаться на свою беду.

– Ума не приложу, как мне быть. Был я, – говорит, – богат, торговал, потом не задалась торговля – разорился. А тут еще на беду война, убили родных, пришлось взять к себе вдов и сирот. И собралось у меня

теперь в доме четырнадцать душ. Каково всех прокормить! Беда к беде, и не знаю, как быть.

– Жаль мне тебя, друг, – сказал Сократ. – Как же ты думаешь теперь делу помочь?

– Хотел денег занять, опять торговлю начать, да не дают, потому знают, что дела плохи.

Покачал головой Сократ и говорит:

– Так-то так, четырнадцать душ кормить, надо припасти; да ведь вот у соседа твоего более двадцати душ, и ведь сыты. Да еще деньги наживают, – сказал Сократ.

– Вот сравнил! – сказал Аристарх. – У соседа он один, а девятнадцать душ рабов, у него рабы больше сработают, чем съедят. А у меня четырнадцать душ свободных греков.

– А свободные греки, – сказал Сократ, – чем отличаются от рабов? Ведь тем, что они лучше рабов?

– Конечно, лучше, то – свободные греки, а то – рабы.

– На словах точно выходит, – свободные лучше, – сказал Сократ, – а на деле-то не то; у соседа, говоришь, всё хорошо, потому что там рабы, а у тебя плохо, потому что не рабы, а свободные греки. Видно, рабы умеют работать, а свободные не умеют.

– И мои бы сумели, коли бы их заставить, – сказал Аристарх, – да не могу же я их заставлять работать! Ведь они знатного рода и родные мне, как их заставить работать? Обидишь их, начнутся попреки, недовольство, нельзя это.

– Ну а теперь у тебя нет попреков, недовольства? – спросил Сократ. – Все в согласии живете?

– Какое согласие! – отвечал Аристарх, – только и слышишь попреки да ссоры.

– Так вот что, – сказал Сократ, – и без работы у вас согласия нет и кормиться нечем. Ведь родных твоих знатность и благородство не кормят и согласие не дают. Так не сделать ли тебе вот что: не дать ли тебе им какую работу по силам? Не лучше ли будет, когда станут работать?

– Я бы сделал так, – сказал Аристарх, – да не понравится им это. Да и в городе меня, пожалуй, люди осудят.

– А теперь не осуждают? – спросил Сократ.

– И теперь есть добрые люди, осуждают за бедность; осуждают, а денег не дают, чтобы мне поправиться.

– То-то и есть! – сказал Сократ. – Так ведь всех пересудов не переслушаешь; а попытайся-ка, посади их за работу, может, лучше дело-то будет.

И послушался Аристарх Сократа. Через полгода встретил опять Сократ Аристарха и спросил, как живет. И говорит Аристарх:

– Хорошо живу и всё тебя благодарю. Послушался я тебя тогда и теперь совсем делами поправился. Поверил мне один человек шерсти в долг, домашние мои эту шерсть спряли, соткали сукна, потом нашили на продажу платья мужского и женского. Продали – не только за шерсть деньги выручили, а и барыши взяли. С тех пор стали этим делом заниматься, и все мы сыты, и ссор у нас нет, и деньги заводятся.

– А люди что говорят? – спросил Сократ.

– Да и люди не бранят, – отвечал Аристарх и засмеялся.

Увидал раз Сократ, лежит на площади развалиясь молодой господин и обмахивается от жара.

– Отчего же это ты так уморился? – спросил его Сократ.

– Как не умориться, я нынче из деревни верст десять пешком прошел.

– Что ж уж очень уморился? Разве что тяжелое нес?

Молодой человек обиделся.

– Зачем я понесу? На то раб есть; он нес, что со мной было.

– А он что ж, уморился или нет?

– Что ему делается! Он здоровый, всю дорогу шел – песни пел, даром что с ношей.

– Жаль мне тебя, – сказал Сократ; – выходит, что твой раб и тебе и всякому человеку и себе служить может, а ты ни другим людям, ни себе даже служить не можешь.

Другой раз увидал Сократ, что один хозяин бьет плетью своего раба.

– За что ты его так больно бьешь? – спросил Сократ.

– Как его не бить, – отвечал хозяин, – он обжора, лентяй, только и думает о том, чтобы ему спать да веселиться, да послаще поесть. Ему и ста ударов плетей мало!

Сократ отозвал хозяина в сторону и говорит:

– Ну, а ты о чем думаешь, кроме как о том, чтобы тебе помягче поспать, послаще поесть и повеселиться?

Хозяин ничего не ответил.

– А если ты сам только об этом думаешь, то сколько же тебе плетей самому следует за то самое, за что ты наказываешь раба? Не с тебя ли он и пример–то берет?

Обиделся этот хозяин, ушел от Сократа.

Как жить в семье.

Когда Сократ стал отрываться от своей каменотесной работы, чтобы ходить на площадь, учить народ, жена его обиделась, думала, что убытки будут; но когда стало собираться к Сократу много народу, утешилась, подумала. «За ученье хорошо платят, учителя живут в довольстве; будем так жить и мы». А Сократ думал не так. Он думал: «Не могу я брать платы за ученье, – я учу тому, что мне голос Бога говорит, учу праведности. Как я за это деньги буду брать?» Хоть и много собиралось народа слушать Сократа, но он ни с кого не брал денег. А на содержание семейства зарабатывал своим мастерством: только бы хватало на необходимое. Жене Сократа жить бедно казалось и тяжело, и стыдно. Часто роптала она на то, что муж за ученье не берет денег. Доходило дело иногда и до слез, и попреков, и брани. Жена Сократа – звали ее Ксантина – была женщина вспыльчивая. Когда рассердится, то рвет и бросает всё, что под руки попадается.

Доставалось от нее и детям и больше всего самому Сократу. Но он не сердился и или молчал или уговаривал ее.

Раз она бранилась, бранилась, а Сократ всё молчит; досадно ей стало, и она со злобы вылила на него ушат помой.

– Ну, так и есть, – сказал Сократ, – был гром, а после грома дождь.
– И стал вытираться.

Так сам делал Сократ и тому же учил сыновей. Один раз старший сын нагрубил матери. Сократ и говорит:

– Что ты, – говорит он сыну, – думаешь о тех людях, которые добра не помнят? Хороши ли такие люди?

– Если люди не хотят делать доброго тем, кто им добро сделал, – я думаю, что это самые дрянные люди, да так и все думают.

– Это ты верно рассудил, – сказал Сократ. – Ну, а теперь скажи, что если один человек другого, когда у него нет силы, носит с места на место, кормит, обшивает, одевает, спать кладет, поднимает, за больным ходит, болезни за него принимает, его злобу с любовью переносит. Что – такой человек сделал добро другому?

– Сделал большое добро, – сказал сын.

– Ну, ведь вот это самое, еще больше того, сделала для тебя твоя мать. Она и носила, и кормила, и ночи не спала, и не знала сама, дождется ли она когда-нибудь от тебя благодарности или помощи. А ты что ей за это воздаешь и почитаешь ли ее, как следует благодарному человеку?

Смутился сын, но не хотел покориться и стал оправдываться:

– Я бы ее почитал, если бы она была другая, а то накричит, обидит ни за что. Вот и не выдержишь.

– А ты, когда маленький был, всё по делу кричал? А переносила же она, и любила тебя, и ухаживала за тобой. Так-то и тебе делать надо, – сказал Сократ.

VI.

Почему Сократу не нужно было ни дорогой пищи, ни дорогой одежды.

Пришел к Сократу раз один учитель, посмотрел на его жизнь и говорит:

– Ну, видел я теперь твою жизнь, Сократ; ешь ты самую грубую пищу, одежду носишь тоже самую простую, да и без перемены, ту же и зимой и летом; а обуви у тебя и вовсе нет. Для чего же тебе твоя мудрость, если от мудрости твоей жизнь твоя тяжелая?

– А ты слышал ли, чтобы я когда жаловался? – спросил Сократ.

– Нет, не слышал; ты не жалуешься. Да всё-таки житье твое неприятное. Пищи и питий у тебя вкусных нет, и не знаешь ты удовольствия.

– Нет, – сказал Сократ, – никто так приятно не ест и не пьет. А отчего? Я тебе сейчас скажу. Ты сам знаешь, что самая простая пища кажется вкусней самой дорогой, когда проголодаешься; ну, вот я так и делаю, не ем, пока не голоден, не пью, пока пить не хочется, так на что мне дорогие кушанья и напитки? Мне простое вкусней дорогих. А об одежде скажу тебе, что никакой другой мне не нужно. Ты знаешь, что у людей две одежды – одна на зиму, другая на лето, потому что им летом в зимней жарко, а зимой в летней холодно. Ну, вот я так приучил свое тело, – сказал Сократ, – что мне летом не жарко, а зимой не холодно. И по жаре и по холоду иду куда мне следует. Так зачем же мне заводить другую одежду?

– Положим, ты так приучил себя, – сказал учитель, – а зачем другим людям так жить, как ты живешь?

Сократ сказал ему:

– А вот послушай. Придет ко мне человек в нужде и к тебе и скажет: помоги мне. Кому из нас легче помочь ему – тебе или мне? Ты подумаешь: и рад бы помочь, да самому много надо. Отдал [бы] ему – сам буду нуждаться. Помог бы ему в работе – времени жаль; подумаешь: я за это время сколько могу заработать для себя. А вот мне – другое дело. Я всегда готов помочь другому, потому что мне для себя немного нужно. И времени не жалею, потому что денег за него не беру: учу даром.

– Это так, – сказал учитель.

– Или вот еще, – опять сказал Сократ, – положим, пришло трудное время для народа, нужно послужить обществу. Ты подумаешь: как бы только меня не выбрали, потому в своих делах мне тогда будет убыток. А меня ничто не держит, я с радостью иду служить.

– Твоя правда, – сказал учитель, – а всё же я лучше бы согласился умереть, чем жить, как ты. Удивляюсь, что находится столько охотников слушать тебя.

– Слушают–то многие, да исполняют немногие, – сказал Сократ. – Иные послушают–послушают, да и уходят на прежнюю жизнь. А есть и такие, что остаются и живут так, как я советую, и так же, как и я, не жалуется и говорят, что стали счастливее, чем прежде. Мы знаем ваше счастье, потому что мы от него пришли к своему, а вы нашего не знаете, потому что вы его не испытали.

Пошел от Сократа учитель и рассуждал сам с собой: «Как же мне теперь думать о Сократе? Многие считают его полуумным чудаком, осуждают его, смеются над ним, а мне теперь кажется, что он хороший, справедливый человек».

VII.

О братском житье.

Узнал раз Сократ, что один богатый купец разошелся с своим братом родным. Встретил он этого купца и стал ему говорить:

– Удивляюсь, – говорит, – тебе: ты человек умный, хозяйственный, стараешься побольше нажить, нанимаешь приказчиков, ищешь в свое дело товарищей, а с братом своим разошелся. Разве худо жить с братом в согласии?

– Жить с братом хорошо, – отвечал купец, – только с каким братом? Мой вот брат с чужими хорош, а я от него ничего хорошего не видал.

– Так ты сам, может быть, с ним дурно обходишься? спросил Сократ.

– Я умею ласково говорить с тем, кто ко мне ласков, и делаю добро тому, кто ко мне добр; а быть добрым к тому, кто словом и делом старается мне сделать неприятность, я не могу и не намерен, – с огорчением отвечал купец.

– Скажи же мне, – сказал Сократ, – как поступил бы ты с человеком, если бы хотел с ним подружиться?

– Да как поступил? – сказал купец, – как все поступают, – делал бы ему всё приятное: звал бы его к себе, угощал тем, что есть лучшего, помогал бы во всяком деле, давал бы денег, если ему нужны.

– Так ты вот это самое и сделай для брата и увидишь, что он к тебе переменится.

– Стану я ему первый кланяться, а он еще, пожалуй, отвернется. Только перед людьми стыдно будет.

– Поступать хорошо никогда не стыдно, – сказал Сократ, – и хорошие люди не посмеются над этим. А если брат и тогда не станет с тобой жить по-братски, то ты будешь знать, что ты сделал что следует и что брат твой один виноват. Да и не будет этого, – сказал Сократ. – Ты только сделай так. Я знаю, как твой брат дружно умеет жить с людьми. Начните новую братскую жизнь и будете счастливы, потому что будете жить, как Бог велел.

– Два брата, – сказал Сократ, – всё равно, что два глаза, две руки, две ноги у человека. Руки назначены Богом для помощи друг другу, так же и брат брату. Что бы было, если бы одна рука стала мешать другой? А ты знаешь, руки не мешают, а помогают друг другу. На то руки. И тем есть польза друг от друга. А брату от брата еще гораздо больше пользы, чем руке от руки, глазу от глаза, ноге от ноги: руки и ноги могут помогать друг другу только вблизи, немного дальше аршина, а брат помогает брату, хоть будь он на другом конце света. Оба глаза могут смотреть только в одну сторону, а брат более всего полезен брату там, где своими глазами он досмотреть не может. Братски Бог велел жить со всеми людьми, и уж кто со своим родным братом не живет по-братски, тот не исполняет закона божеского.

VIII.

Как людям жить вместе?

Приходили слушать поучения Сократа не только жители Афин, но и из других городов и даже из чужих земель. Приходили слушать Сократа или к нему на дом или ждали, чтобы он вышел на городскую площадь, и там окружали его. Собралось как-то к Сократу много народу, и старые, и молодые, и свои горожане, и чужеземцы. Сократ не любил долго

говорить сам, а всё спрашивал у других. Он говаривал, что как его матушка не сама рожала, а только другим помогала рожать, так и он сам ничему не учит, а только помогает другим самим научиться. Так и в этот раз. Сел Сократ на скамью, а вокруг него народ. Положил Сократ руки на колени, опустил голову и задумался. Все ждали, о чем он спросит. Поднял голову Сократ и говорит:

– Скажите вы мне вот что: отчего это люди живут вместе, а не в одиночку? Теперь вот между людьми несогласие, вражда, а то жил бы каждый сам по себе, и не с кем было бы раздоры заводить. Пожалуй, лучше бы было.

Вот и стали все говорить. Один сказал: оттого, говорит, живут люди вместе, что вместе жить выгоднее. Одному человеку и работать неспоро. Сообща больше сделаешь.

Другой сказал: одному жить было бы страшно, обороняться трудно.

Третий сказал: скучно жить человеку одному, с людьми веселей.

Четвертый сказал: да и Богом положено человеку жить не одному, а с людьми.

– Верно, – сказал Сократ. – Но жить-то людям как выгоднее – в мире или во вражде?

– Конечно, в мире, – отвечали все.

– Вот и вы думаете, и Бог так велел, а у нас идет не то. Отчего бы это так?

Замолчали все и не знали, что ответить. И опять заговорил Сократ:

– Я ведь и сам не знаю, – не доберемся ли как вместе. Давайте я переспрошу вас, а вы отвечайте. Первое дело, скажите: от кого человеку больше пользы, от раба-наемника или от друга-товарища?

– Известно, от друга-товарища, – отвечали все.

– Раб-наемник думает о своей пользе, а не о хозяйской пользе, – сказал один, – а друг-товарищ заботится об тебе, как о самом себе.

– Раб-наемник у тебя пока деньги, или до срока, а срок кончится или нечем тебе платить, и останешься ты один, – сказал другой.

– А друг-товарищ тем дорог, что в беде он тебя не оставит, последним своим поделится, – сказал третий.

– С хорошим товарищем и сам лучше станешь, – сказал четвертый.

– Вот вы и все согласны, – сказал Сократ, – что друг-товарищ дороже раба-наемника, что богат и силен, и весел, и радостен, и спокоен не тот, у кого много наемников, а тот, у кого живет много друзей. У вас у всех, верно, больше друзей, чем рабов?

– Надо бы так, а на деле выходит не так, – сказал один.

– Коли спросишь ты, врагов сколько у каждого из нас, мы сейчас же перечтем, – сказал другой, – и рабов и наемников тоже начтем не мало, а друзей–товарищей верных у кого найдется два или один, так и то хорошо.

– Отчего же это так? – спросил Сократ. – Сами говорите, что друг–товарищ самое первое дело, а не заводите друзей. Коли мы знаем, что быки нужны для нас, мы их заводим много. Отчего же вы не заводите друзей, коли знаете, что от них польза, и радость, и опора в несчастьи?

– А оттого, – сказал один, – что быков хороших много бывает, а людей хороших мало. Понадобился бык в плуг, выберешь хорошего и купишь; а друг понадобится, где найдешь хорошего? Людей–то много, да хороших мало.

– Это верно, – сказал Сократ, – а быка в плуге какого ты называешь хорошим?

– А такого, который пашет, и силен, и смирен.

– Ну, а человека в друзья какого ты назовешь хорошим? – спросил Сократ.

– А такого, который не об себе одном, но и о другом думает, который если услышит, что друг заболел, пойдет узнать, не нужно ли ему чего, и если понадобится, то поможет по хозяйству, чтобы ему за болезнь его не было бы убытку. Понадобятся деньги – даст. Вот какого я назову другом.

– Ну, а как ты узнаешь про человека, такой ли он или нет?

– А по его добрым делам.

– А тебя он почему узнает? – спросил Сократ.

– Да, должно быть, по тому же.

– А дружить–то ты когда станешь, – спросил Сократ, – когда тебе нужда будет или когда нужда ему?

И замолчали все и не знали, что отвечать.

– Да как же вы не знаете? – сказал Сократ. – Переехал к тебе сосед, ни он тебя, ни ты его не знаешь; как тебе узнать, будет ли он хорошим другом: ждать ли, чтобы он тебе помог, или тебе помочь ему?

– Да, я думаю, лучше подождать, что от него будет, – сказал один.

– А он скажет, что и ему лучше подождать, что от тебя будет. Тогда уж вы никогда друзьями не будете.

– Правда твоя, Сократ, – сказал другой.

– Все мы хотим, чтобы нам люди добро делали, а сами начать не хотим, – сказал третий.

– Оттого-то и говорим, что быков хороших много, а людей мало. Да и как же им быть хорошими, коли мы сами не хотим быть хорошими и за то других укоряем, – сказал четвертый.

И сказал Сократ:

– Сами говорим мы, что людям вместе жить лучше. И вместе жить лучше в дружбе, чем в ссоре. Говорите, что дружба между людьми дороже всего, что дружба в том, чтобы делать добро людям. А делать сами добро не хотим, а только хотим, чтобы нам добро делали. От этого и живем мы вместе не в мире и радости, а во вражде и горестях.

IX.

Что нужно знать каждому человеку?

Возвращался раз Сократ с работы и увидал, что в холодке собрался народ и много знакомых. Подошел к ним Сократ, поздоровался.

– А мы давно поджидаем тебя здесь, – сказали ему. – Садись: нужно нам с тобой поговорить.

Не успел Сократ присесть, как стали люди собираться к нему со всех сторон: кто шел мимо, останавливался; кому сказали на улице, что Сократ учит у стены, а кто и сам увидел и подошел. Мастерские оставляли работу и шли на то место, где учил Сократ.

Стали четыре человека спрашивать Сократа, чему обучать детей.

– Посоветуй, – говорят, – Сократ, чему нам учить сыновей. Подросли, хочется, чтобы из них люди были. Научи, как и чему их учить?

– А чему думали вы их учить? – спросил Сократ.

– А вот я думал отдать сына обучиться кузнечному ремеслу, – сказал один.

– А я своего к каменотесу. Вот и ты, Сократ, этим мастерством занимался.

– А я всю жизнь на земле работал; хотелось бы, чтоб и сын со мной работал.

- Мой сын к учению прилежен; желает учиться лекарству.
- Всё это хорошо, – сказал Сократ, – каждому человеку нужно работать на пользу людям, и одному – одно, другому – другое. Да так ли? – спросил Сократ. – Если у нас все мастерства будут, всё ли у нас будет, что нужно? чего же еще? Понадобится дом, храм, пойдём к каменотесу, к плотнику; понадобятся новые корабли строить, пойдём к плотникам. Ну, а понадобится жить мужу с другой женой, сыну со скупым отцом, брату с сердитым братом, соседу с злым соседом, хозяину с гордым гостем, человеку с чужим человеком. Какого мастера звать?
- На это мастерства нет, тут нужно только быть справедливым человеком, – сказал один.
- Тут годится и каменщик, и плотник, и лекарь, – сказал другой.
- Это дело всякий хороший человек понимать должен, – сказал третий.
- Так и выходит по-твоему, – сказал четвертый, – что, кроме своего мастерства, каждый человек должен еще понимать, как всякому человеку с людьми жить.
- Так и выходит, – сказал Сократ, – что кроме своего мастерства еще одно дело есть такое, что надо знать каждому человеку.
- Это дело уж как кому дано понимать, – сказал один. Один умеет, другой нет.
- Этому не научишься, как мастерству, – сказал другой.
- Да и как научиться этому? – сказал третий.
- Этому нельзя научиться, – сказал четвертый.
- Удивительное дело, – сказал Сократ, – что нельзя того-самого, что нужнее всего. Скажи хоть ты, что тебе дороже – хорошо с женой жить или хорошие башмаки?
- Да я готов всю жизнь босиком ходить, только бы жить всегда согласно с женой.
- Ну, а что хуже – в ссоре с отцом быть или не носить богатого платья?
- Да, известно, что от всякого платья откажешься, только бы не было ссоры.
- А какая болезнь хуже – лихорадка или то, что тебя все люди не любят?
- Да уж хуже этой болезни нет.
- Ну, так и выходит, что то дело, которое всякому знать надо, дороже

всех других дел, дороже и башмачного, и портняжного, и лекарского; и тем всем делам учиться можно, а этому, самому нужному и дорогому делу, и научиться нельзя. Звезды счесть и травы все узнать человек может, а как ему с людьми жить, этого не может узнать. Так ли это?

– Да, должно быть, что-нибудь не так, – отвечали Сократу.

– И я также думаю, – отвечал Сократ. – Жили люди прежде нас, – не сказали ли они что об этом? Да вот хоть бы надпись на храме. Что там написано? Написали это в старину. Не про то ли самое, про что мы толкуем, как человеку с людьми жить?

– Там написано: «Узнай самого себя», а не про то, как людям жить, – отвечали Сократу.

– А, может, и про то сказали: «Узнай самого себя». Может быть, если мы узнаем самих себя, то и узнаем, как нам жить.

– Растолкуй нам это, Сократ, – сказал один.

– Вы знаете, я не умею толковать, – сказал Сократ, – я только умею спрашивать, а вы мне сами растолкуете. Вот везут быки виноград. Ну, вот скажите мне: кто знает быков и кто знает виноград? Тот ли, кто будет есть говядину и виноград, или тот, кто знает, как водить быков и виноградники?

– Разумеется, тот, кто умеет водить.

– Ну, а чтобы хорошо водилась скотина и хорошо родился виноград, что надо знать?

– Надо знать, когда кормить, когда копать, когда подвязывать.

– А чтобы это делать хорошо, нужно знать, что нужно скотине и что нужно винограднику. Не так ли? Не то ли же и про себя? Мы знаем себя, когда знаем, что нам нужно. Знаем ли мы, что нам нужно?

– Как же не знать, что нам нужно? Это мы все знаем, – сказал один.

– Нет человека, который не знал бы, что ему нужно, – сказал другой.

– Теперь тебе что нужно? – спросил Сократ.

– Мне многое нужно, но нужнее всего мне богатство. Было бы у меня богатство, всё бы было.

– Если бы у меня спросил, Сократ, я бы сказал не богатство, – сказал другой, – а власть над людьми. Была бы у меня власть, у меня было бы и богатство.

– А мне, – сказал третий, – ни богатства, ни власти не нужно, мне нужно только жить безбедно и заниматься науками, и никто б мне не мешал и не отрывал меня от моего дела.

– А мне, – сказал четвертый, – нужно только то, чтобы я был славен и все почитали бы меня.

– Что ж это? – сказал Сократ. – Спрошу, что нужно, чтобы быки были сыты и виноградник хорош, – все скажете одно. А вот спросил, что человеку нужно, – все сказали розно. Вот видите, что не знаем мы сами себя, потому что узнать самого себя – значит узнать, что человеку нужно, да так, чтобы все были согласны. Ты говоришь, богатство нужно, – сказал Сократ. – Ну, мы все согласны с тобой. И нам нужно будет богатство. Как же мы разделим его? Согласен ты поровну разделить всё?

– Нет, какое же это будет богатство? – сказал первый.

– Стало-быть, нам и нельзя с тобой согласиться, – сказал Сократ. – Не согласимся ли во власти? Если нужна власть тебе, так и мне то же нужно. Как же мы с тобой будем властвовать друг над другом?

– Нельзя и нам разделиться, – сказал другой и засмеялся.

– Так и с тобой не разделим, – сказал Сократ. – Давай же разберем с тобой, – обратился он к третьему, – можно ли по-твоему нам хорошо прожить. Ты говоришь, что тебе только нужно жить безбедно и заниматься наукой, потому что ты ее любишь. А мне вот нужно играть на флейте. Я это люблю. Хочу есть, пить, когда мне хочется, играть на флейте и слушать хороших игроков, да так, чтобы мне никто не мешал. Что коли я с тобою буду рядом жить? Как бы я не помешал тебе? Да и ты, когда станешь вслух говорить стихи, как бы ты не помешал мне? Ну, да, положим, мы разойдемся, но беда в том, кто нас с тобой кормить будет? Ты не станешь мне готовить, потому что ты любишь науки, и я тебе не стану готовить, потому что люблю флейту. Ты скажешь: мы рабам велим готовить. Да ведь и рабы захотят тоже на флейте играть и звезды считать. Как нам тогда быть? Не подходит и твое дело. То, что тебе нужно, не всем людям нужно. И потому мы не узнали еще человека.

– Ну, а про мое что ты скажешь, Сократ? – сказал четвертый.

– Да твое слово хорошее, – сказал Сократ, – и ближе всех к делу. Ты говоришь, что тебе нужно только то, чтобы почитали тебя все люди. Это правда, и это всякому человеку нужно. Тебе нужно, чтобы я тебя почитал, а мне нужно, чтоб ты меня. Так и с другими. А как заставить людей почитать себя?

– Вот это-то и трудно, – сказал один.

– Да, это трудно, – сказал Сократ, – но в этом-то всё и дело. Всё, что вы скажете, всё ведь сходится к одному: к тому, чтобы люди делали нам добро и не мешали бы нам жить в свое удовольствие. Так ли?

– Так именно, – подтвердили все.

– Ты сказал, что тебе нужно богатство, ты сказал – власть, ты сказал

– свободно заниматься наукой, ты сказал – почести. Все вы хотите, чтобы люди не мешали вам жить, делали вам добро, и всем другим то же нужно; стало-быть, надо, чтобы добро для вас не мешало бы добру других. Мы заговорили про быков и про виноград. Если ты говоришь, что быку водопой нужен, то ведь ты не говоришь, чтоб ему нужно было затоптать колодец, так, чтобы другим пить мутную воду, и не говоришь, чтобы ему нужно было сбить весь корм под ноги, так, чтобы другим есть корм с навозом. Если ты говоришь, что виноградной лозе нужны простор и окопка, то ты не говоришь, чтобы надо было срезать и выкопать все соседние лозы.

Так же и с людьми. Если мы узнаем человека и то, что ему нужно, то мы узнаем, чего ему не нужно делать. Не нужно ему делать всего того, что мешает и вредит другим. Не так ли?

Все согласились.

– Точно так же мы узнаем и что нужно делать человеку. Все мы хотим, чтобы нам делали доброе, а доброе нам делают кто?

– Люди, – отвечали Сократу.

– А мы кто?

– Тоже люди. Так что же нам нужно делать?

– Добро людям. Вот мы и договорились, – сказал Сократ. – Мы спросили себя: кто мы? И решили, что, чтоб узнать это, надо узнать, что нам нужно. Стали разбирать, что нам нужно, и все согласились в том, что нам нужно первое: чтоб люди нам не мешали жить, а второе – делали бы нам добро. А чтобы люди делали добро людям, надо нам делать добро людям. Так вот это начало ученья о том, что всякому человеку знать надо.

– Так-то так, – сказал один человек, – да не всегда можно узнать, каким делом помешаешь другому и какое дело будет добро, а какое зло.

– Правда твоя, – сказал Сократ. – В этом мы часто ошибаемся; но и ученики у кузнеца и у сапожника часто ошибаются, когда учатся, но мастера учат их тому, что они сами узнали и что узнали от своих учителей. Вот и я сам учусь этому делу, какое всем нужно знать, и учу других так, как меня научили мои учителя и голос Бога, который я слышу в душе своей. Этот голос совести слышит каждый в себе, если только он прислушается к нему. А если будет прислушиваться, то и научится от учителей и сам от него. Люди не оставлены без руководства в самом важном деле; а с тех пор, как есть люди, они учатся, как жить вместе, и в каждого вложен один и тот же голос, который каждого учит тому же. Всякому делу учиться хорошо, но нужнее всего – учиться жить, не мешая людям и делая им добро.

Х.

Суд над Сократом.

Так учил Сократ, и много было у него друзей и преданных учеников, но много было и врагов. Да и как было не быть врагам? Ученье Сократа приходилось многим не в бровь, а прямо в глаз. И все богачи не любили его. Сократ учил, что позорен не труд, а праздность, что только трудящимся Бог посылает истинное благополучие. А богачи жили праздно и чванились своею праздностью. Сократ учил, что хороший человек думает не о том, чтобы прожить роскошно, а о том, чтобы прожить справедливо, и только безрассудные люди всю жизнь заботятся о собирании богатства. А богачи только и думали о наживе, только в роскоши и богатстве видели счастье для человека.

Враги[1] Сократа говорили между собой: «Беспокойный человек этот Сократ, только смущает народ своим ученьем, настраивает против нас детей наших. Они ему верят больше, чем нам». Самые злые из врагов[2] Сократа порешили, что надо как-нибудь избавиться от него, [3] потому что он только мешает людям жить беспечно и пользоваться всеми благами жизни.

– Надо взвести на него что-нибудь такое, за что бы можно было притянуть его в суд, – рассуждали враги Сократа.

И придумали они потянуть его в суд за то, что он не верит богам и развращает народ. [4]

И объявили Сократу, что он преступник и будет судиться. [5] Ученикам Сократа это очень было обидно и горько, потому что они хорошо знали, что учитель их ничего дурного не сделал. Собрались они к Сократу и стали его просить:

– Смотри, обдумай хорошенько, учитель, что будешь говорить судьям в свою защиту.

Один богатый ученик сказал:

– Если ты встревожен, не можешь хорошо обдумать, что говорить, позволь пойти к одному человеку. Он за хорошую плату напишет все, что ты должен сказать на суде. Ты дома прочитаешь, а потом в суде скажешь судьям, и тебя наверно оправдают.

Сократ отвечал ученикам:

– Успокойтесь, друзья мои. Никаких речей в свою защиту я говорить не буду. [6] Моя жизнь [7] мне защитой.

А ученик Ермоген сказал на это:

– Разве ты не знаешь, Сократ, как помогают на суде хорошие речи? Разве не случалось, что судьи оправдывали виновного, если он умел красиво и ловко оправдаться, и осуждали на казнь невинных, которые

не умели разжалобить судей, защищая себя?

– А меня, – сказал Сократ, – пусть судят по делам всей моей жизни, я ничего не боюсь. В душе своей я чувствую божеское внушение о том, что пора мне умирать. До сих пор у меня были силы воздерживаться от всего дурного, приносить пользу людям, а теперь уж наступает для меня глубокая старость, дряхлость. Боюсь ослабеть не только телом, но и духом. Лучше умирать.

Призвали Сократа на суд.

Судить Сократа собрались более пятисот судей.

Явились обвинители, пришел и Сократ.

Судебные дела разбирались в Греции на городской площади, и слушать разбирательство собиралось всегда великое множество народа.

Так было и в этот раз.

Выступили обвинители и сказали:

– Сократ виновен в том, что не признает наших богов, а проповедует о новом Боге.

– Судьи и граждане! – сказал на это Сократ. – Я прожил в Афинах шестьдесят девять лет. Жизнь моя у всех была на виду: я учил на площадях, у храмов; если кто слышал от меня что-нибудь безбожное или видел, что я сделал что дурное, пусть скажет.

Все молчали.

– Чтобы узнать волю богов, у нас употребляют священные гадания, а я говорил вам, что волю Божества мы можем также узнать, если будем прислушиваться к голосу своей души, потому что она передает нам внушение Божества.

И на это ничего не отвечали Сократу.

Тут заговорили опять обвинители:

– Сократ еще виновен в том, что своим учением развращает молодежь.

– Граждане! – отвечал на это Сократ. – Я учил детей ваших тому, что необходимо знать каждому человеку. Учил их понимать Голос Бога, в чем благоразумие и безрассудство, в чем правда [8] и в чем ложь, [9] в чем добро и в чем зло. [10] Я говорил и старому и молодому: не ищите богатства и славы, не думайте прежде о теле, как бы его ублажить, а думайте о душе. Думайте о том, как приносить пользу другим людям, и выше всего ставьте праведную жизнь. Я учил так, как мне внушал голос Бога, и за свое учение я готов претерпеть не одну, а тысячу смертей.

Замолчал Сократ; не знали, что говорить и обвинители.

Тогда Сократ сказал:

– Я ничего не могу больше сказать в свое оправдание. Я знаю, что многие говорят длинные речи в надежде разжалобить судей, приводят в суд своих родственников, чтобы их слезы и просьбы тронули сердца судей, но я этого не делаю. Не потому, что [11] некому просить за меня. [12] Ведь и я не от камня и не от дуба рожден: есть и у меня родные, жена, дети, есть преданные друзья. Но я не призову их сюда просить вас за меня, потому что считаю это унижительным для вас, судей. Вы должны постановлять приговор не из жалости, а по справедливости. К тому обязывает вас совесть, на то установлены законы.

Стали судьи совещаться между собой. Враги затеяли суд над Сократом, [13] и врагов [14] было много и среди судей, а все же почти половина судей решила, [15] что не за что признать Сократа виновным.

Однако одолели противники, [16] и судьи сказали: [17]

– Сократ виновен.

Обвинители сказали:

– Виновен и заслуживает смерти.

Спокойно выслушал это Сократ и сказал судьям:

– Обвинители требуют моей смерти, но закон дает мне на выбор другие наказания; так выслушайте меня. Я бы мог просить, чтобы вместо смертной казни меня заточили на всю жизнь в темницу. Но для чего послужит такая жизнь? Бесполезна она будет для других, тягостна для меня. Я мог бы по закону избрать для себя ссылку в чужие земли. [18] Но каково это будет для меня, старика, скитаться [19] по чужим краям? Закон позволяет мне еще внести за себя большой денежный штраф. Сам я не имею денег, но мои друзья и ученики, Платон, Критон и другие, охотно внесут за меня сколько следует. Согласны ли вы на это, судьи–граждане?

Судьи ничего не отвечали ему, и тогда Сократ сказал:

– Если бы я чувствовал себя виновным, то готов был бы нести самое тяжкое наказание, но совесть моя чиста. Я никому не делал зла, честно служил отечеству. За мои заслуги и труды на общую пользу вы должны были бы удостоить меня высшей награды, какая полагается у вас для заслуженных граждан, а именно: содержать меня до конца моей жизни на общественный счет. А вы, граждане, вместо этого призвали меня на суд, поверили словам моих врагов, забыли о моих заслугах.

Судьи обиделись.

– Что это Сократ вздумал упрекать нас, как нам поступать? Это мы и без него знаем, – заговорили они между собой.

– А вы больше слушайте его, – стали подзадоривать враги, – или тоже

хотите сделаться его учениками?

– И в самом деле, пора кончать суд, – зашумели судьи.

Посоветовались они еще недолго между собой и объявили такой приговор:

– Присуждаем Сократа к смертной казни. Он должен выпить чашу яда.

Сократ выслушал приговор, не изменившись в лице, и сказал судьям:

– Скорблю не о том, что предстоит мне, а о том, что вы опозорили себя и народ ваш за то, что [20] осудили [21] невинного. Поторопились вы, граждане, избавиться от беспокойного человека, который никому не боялся говорить правду. Напрасно торопились: смерть и без того уже шла за мной, стариком. Прошу вас об одном: когда дети мои вырастут, учите их тому, чему я учил вас. Если заметите в них жадность к богатству и почестям, укоряйте их за это так, как я укорял вас и детей ваших. Этим вы окажете им величайшее благо и отплатите мне тем, что я делал для вас. А теперь прощайте, настала пора нам расстаться: вы остаетесь жить, я иду умирать. Кому из нас будет лучше, о том ведает Бог.

XI.

Сократ в тюрьме. [22]

В обыкновенное время осужденных казнили на другой день после суда, но суд над Сократом пришелся накануне праздничных дней, когда считалось грехом исполнять смертную казнь. Сократа на все это время отвели в тюрьму. Там он провел в ожидании смерти тридцать последних дней своей жизни.

Каждый день приходили в тюрьму навещать Сократа его [23] ученики, и он продолжал поучать их, а когда оставался один, сочинял стихи. Не чувствовал он ни уныния, ни страха смерти.

Праздничные дни приходили к концу. Горько было ученикам думать, что скоро они навсегда лишатся дорогого учителя. «Нельзя ли как-нибудь спасти его?», говорили они между собой.

И решили подкупить тюремного сторожа, ночью вывести Сократа из тюрьмы и увезти тайком в чужую [24] землю.

Говорить об этом с Сократом вызвался ученик Критон. Осталось всего два дня до конца праздников, нельзя было медлить. Поздно вечером разошлись ученики и решили, [25] чтобы Критон завтра же утром, как можно раньше, пошел [26] уговаривать Сократа.

Не спалось Критону. Не давала ему заснуть радостная мысль, что есть

еще средство спасти от смерти дорогого учителя. Как только стало светать, он встал, оделся, и пошел к тюрьме. Сторож знал его, а потому согласился тотчас же пустить Критона к Сократу.

Сократ еще спал. Критон осторожно вошел и сел у его постели. Долго не просыпался Сократ, и Критон, глядя на него, дивился, как может так спокойно спать человек накануне казни.

Когда Сократ открыл глаза, он очень удивился, увидав Критона.

– Уж верно поздно, – сказал он. – отчего ты не разбудил меня, Критон?

– Нет, еще очень рано, – отвечал Критон, – солнце еще не взошло. Я любовался твоим спокойным сном и радовался за тебя, что ты можешь забыть во сне о постигшем тебя несчастье, об ожидающей тебя смерти. Удивлялся я всегда твоему спокойствию, но не ожидал, что спокойствие не оставит тебя и в эти страшные дни.

Сократ улыбнулся и сказал:

– Мало же ты знал своего учителя. А скажи, зачем пришел так рано сегодня? Не для того же только, чтобы посмотреть на меня спящего?

– Нет. У меня есть до тебя большая просьба, не моя только, а многих тебе преданных людей, – несмело начал Критон.

– Говори скорее! – с горячностью сказал Сократ.

– Мы решили спасти тебя от смерти, Сократ. Есть средство: тебя можно тайком ночью увести из тюрьмы.

Лицо Сократа омрачилось, он грустно и строго посмотрел на Критона.

– Выслушай меня, учитель, – сказал Критон. – Ты ведь осужден несправедливо. Вспомни, сколько ты еще можешь добра сделать людям. Пожалей своих малолетних детей, пожалей нас, – согласись бежать из тюрьмы. Мы уж всё это устроили. Сторожей можно подкупить, тебя переодетым провезти в соседнюю землю. Там у меня есть знакомые люди, они с радостью примут тебя к себе. Мы перевезем туда и твоих детей. Они будут вырастать при тебе, а не сиротами. Денег у нас достаточно. Я отдам тебе всё, что имею. Ты знаешь – я богат, а кроме меня и другие твои ученики приготовили денег, чтобы спасти тебя, потому что ты нам дороже всего. Умоляю тебя, соглашайся бежать. Раздумывать некогда: только сегодня ночью и можно это сделать. Ведь это последняя твоя ночь перед казнью.

Критон говорил горячо, со слезами, но по лицу Сократа он видел, что учитель не поддавался на его слова. [27] Когда Критон кончил говорить, Сократ сказал:

– Благодарю тебя, Критон. [28] Я знаю, что на всё это ты решился из доброго чувства ко мне. Знаю, что все меня вы любите и благодарны мне. Но не одно чувство должно быть нам советником. Для спасения

своего я должен буду употребить обман, нарушить свое слово. На суде я сказал, что подчиняюсь приговору, что готов пострадать за свое учение, и никакие мучения не должны заставить меня отказаться от этого. Положим, вы выведете меня из тюрьмы живым; живым – но уж не тем человеком, каким я вошел в нее, а выведете обманщика. [29] Этого ли вы хотите?

Чувствовал Критон, что Сократ прав, но не мог еще отказаться от мысли спасти его.

– Кто тебя знает, тот не поверит тому, что ты обманщик; ты обманешь только тех дурных людей, [30] которые несправедливо осудили тебя, – сказал Критон. – Другие же только будут радоваться твоему спасению.

– Нет, Критон, – твердо отвечал Сократ. – Я обману [31] не только врагов своих, но и всех людей [32] и изменю своей совести. Я всю жизнь учил, что человек никогда не должен поступать несправедливо; если же я сам так поступлю, то кто же потом поверит мне, поверит тому, чему я учу? Я уйду от тюрьмы, от врагов, но куда я уйду от голоса своей совести? Оставь несбыточное намерение, друг Критон, будем вместе мужественно готовиться к неизбежному.

Понял Критон, что не спасти им учителя, и с грустью пошел сказать об ответе Сократа другим ученикам.

XII.

Последняя беседа Сократа. [33]

Настал день казни. По тогдашнему обычаю она совершалась перед заходом солнца. С утра собрались к дверям тюрьмы ученики Сократа. Многие из них горько плакали.

Вышел тюремный сторож и сказал ожидавшим:

– Сейчас снимут с Сократа кандалы, тогда впущу вас.

Немного спустя отворили двери тюрьмы. Ученики застали Сократа на постели, его только что расковали. Около постели стояла его жена и держала на руках младшего ребенка. Увидя учеников мужа, она рыдая сказала:

– В последний раз они идут к тебе, Сократ, в последний раз будут тебя слушать. Это последняя твоя беседа с ними.

Жена убивалась, [34] рвала на себе волосы. Сократ попросил учеников, чтобы ее увели домой.

Он захотел встать, но ноги его сильно отекали и болели от тяжелых

оков. Он стал тереть их, и ему стало легче.

– Вот заметьте, друзья, – сказал он ученикам, – что от всякого страдания недалеко и утешение. Давно ли нога эта страдала от тяжести кандалов; теперь зато как хорошо, легко! Так бывает и при всяком страдании. Теперь уж я встать могу.

Ученики окружили Сократа, им хотелось и говорить и слушать его, но им трудно было промолвить слово от слез, и думать они могли только о страшном смертном часе Сократа, о горькой разлуке, но об этом не решались заговорить. Учитель понял, что у них было на душе.

– Вижу, знаю я, что вам жаль меня и не только жаль, но и страшно за меня. Как же мне вас утешить и ободрить? Посмотрите на меня. Я спокоен, ни о чем не жалею и ничего не страшусь. На душе у меня легко и светло. Жизнь свою я кончаю в темнице, присужден к казни. Люди считают это позором, но разве можно считать это позором, когда страдаешь за правду, а не за какое-нибудь дурное постыдное дело? Люди оклеветали, осудили меня, но я не могу гневаться на них, ненавидеть их. Я знаю, что они поступили так по неразумию своему. Я укорял их, указывал им на их ошибки для их же блага, а они не поняли меня и сочли это за зло с моей стороны. Они поступили как неразумные дети. Я поясню это примером. Положим, что к больным детям приставлен был человек, который исполнял все их желания, а потом пришел другой, лекарь, и стал стараться только о том, чтобы вылечить их. Кого, думаете, пожелали бы оставить при себе больные дети? Конечно, того, кто ни в чем не перечил им, а от лекаря старались бы избавиться. Они сказали бы: этот человек мучит нас, запирает, не дает нам пить и есть вволю, заливают горьким лекарством, режет, прижигает. Прогоним его, еще лучше сделаем, чтобы он никак не мог вернуться к нам. Мои противники так же не поняли меня, как дети лекаря.

Сказав это, Сократ остановился, заметив, что Критон хочет ему что-то сказать.

– Сократ, – сказал Критон, – ты знаешь, что нам дорого каждое твое слово, но просим тебя, перестань говорить. Тюремщик только что сказал нам, что если кто в последние часы много и горячо разговаривает, на того яд медленнее действует, и придется больше его выпить.

– Поблагодарите тюремщика за совет, друзья мои, – отвечал Сократ, – и попросите от меня побольше приготовить яду. Я готов выпить его не один, а два и три раза, если будет нужно. Яд сделает свое дело, когда настанет время, а до тех пор давайте мирно беседовать. Мне еще о многом хочется поговорить с вами. Сядьте ближе ко мне.

Сократ сидел на постели, а ученики уселись вокруг него, как кто мог.

Ближе всех к Сократу сидел ученик Федон. У него были прекрасные длинные волосы, и Сократ любил во время бесед гладить и перебирать их. Так и в этот раз Федон сидел на низкой скамье у самой постели, и рука Сократа лежала на его голове.

– А что, Федон, – сказал учитель, – где будут завтра твои прекрасные волосы?

У греков был обычай в знак горести обрезать волосы и класть их на могилу того, о ком горевали. На это и намекал Сократ. Эти слова учителя живо напомнили ученикам об ожидавшем их горе; некоторые из них заплакали.

Сократ сказал:

– Друзья, я не боюсь смерти. Страшно не умирать, а жить безумно, порочно.

XIII.

Смерть Сократа.

Сократ замолк. Ученики ждали, что он будет еще говорить. Учитель сказал:

– Однако время идет. Уже не рано. Пойду обмоюсь, чтобы не утруждать потом других обмывать мое мертвое тело. А вы подождите меня здесь, побудьте со мной до конца.

Сократ вышел мыться в другую комнату, с ним пошел и Критон.

А другие ученики, ожидая его, говорили о последней беседе учителя, о его смерти, о том, как будут они жить осиротевшие, без дорогого наставника. Наступил вечер. В комнату, где были ученики, сторож впустил родственниц, жену и детей Сократа: один был постарше, а двое – малолетки. Вошел после того скоро] [35] и сам Сократ. Стал он прощаться с ними. Женщины подняли такой плач, что Сократ попросил увести их.

Ученики сказали тогда Сократу:

– Скажи нам свою последнюю волю. Может быть, ты хочешь чем распорядиться для детей? Мы с радостью сделаем для тебя всё, что прикажешь.

Сократ отвечал:

– У меня нет никакого имущества, и распорядиться мне нечем. Поступайте, как я вас учил: в этом вся моя воля. Тогда будете знать, что сделать и для детей моих.

– А как прикажешь хоронить тебя, Сократ? – спросил Критон.

– Зачем ты меня об этом спрашиваешь? – с укором спросил его Сократ.

– Разве ты не видел, что всю мою жизнь я заботился о моем теле только для того, чтобы оно служило душе, а когда душа моя покинет тело, не всё ли мне равно, что сделают с ним?

Сократ прилег на постель, собираясь начать беседу с учениками, как отворилась дверь, и вошел пристав; он приходил в тюрьму с приказаниями от судей.

– Сократ, – сказал он, – когда я приходил к другим осужденным, чтобы объявить им, что настало время исполнить приговор – выпить яд, они встречали меня бранью и проклятиями. Не того я ожидаю от тебя, потому что никогда еще в этой тюрьме не было человека добрее и справедливее тебя. Не на меня тебе гневаться, а на других, на виновников твоей смерти. Ты знаешь, с какою вестью я пришел к тебе. Прощай, старайся мужественно перенести, что не в нашей воле отменить.

Сказал это и отошел от постели Сократа, потому что не мог удержать слез.

– Прощай и ты, – отвечал Сократ уходившему приставу, – исполню всё, как следует. – А потом сказал о нем ученикам: – Какой хороший человек! Он часто приходил сюда беседовать со мной. Как искренно он жалеет обо мне! А теперь – время, друзья. Скажите, чтобы несли яд.

– Зачем торопиться, учитель? – стал уговаривать его один из учеников. – Солнце еще не зашло за горы. Другие осужденные успевают еще после захода солнца поесть, выпить и побыть с близкими. Время терпит!

– Пусть делают так другие; им, верно, дорого хоть насколько-нибудь продлить жизнь. А моя жизнь кончена, и нечего оттягивать конца, – отвечал Сократ. – Исполните, что сказал.

Один ученик сделал знак стоявшему тут сторожу, и тот пошел за ядом.

Вслед затем вошел тюремщик с чашей, в которой разведен был яд.

– Благодарю тебя, друг, – сказал ему Сократ. – Научи, что мне делать теперь.

– После того, как выпьешь яд, тебе следует ходить до тех пор, пока не почувствуешь тяжести в ногах, – отвечал тюремщик. – Тогда ложись на постель, потому что это знак, что яд начинает действовать.

Не изменившись в лице, взял Сократ у тюремщика чашу с ядом и выпил ее до дна.

Целый день крепились ученики, а тут уж не выдержали и зарыдали. [36] Один Сократ не терял твердости.

– Что вы делаете, друзья? – усовещивал он их. – Я отослал женщин и детей, чтобы не видеть их малодушия, а вы поступаете не лучше их. Так-то вы меня слушаете!

Выпив яд, Сократ не переставал ходить по комнате, как сказал тюремщик. Но вот почувствовал он, что ноги отяжелели, и лег на спину. Ученики обступили его постель.

Тюремщик подошел и сильно сдавил пальцами ему ногу.

– Чувствуешь ли ты боль? – [спросил он.

– Нет, – отвечал Сократ.

Подавил тюремщик ногу выше, и там Сократ уж ничего не чувствовал.

– Это оттого, что тело его начинает холодеть и коченеть. Дойдет холод до сердца и тогда кончится, – сказал тюремщик ученикам.

– Друзья, умираю, возблагодарите Бога! – сказал Сократ.

Бросились ученики к учителю, припали к нему, стали его звать, но он не ответил им. Он лежал неподвижно; потом по телу его пробежала дрожь, уста и глаза остановились. Перед учениками лежало уже бездыханное тело любимого учителя. Один из них нагнулся и закрыл ему глаза.

Так жил и умер Сократ, но не умерло его учение. Лучшие из учеников продолжали его благое дело, учили людей добру и правде, а поучения своего великого учителя–мудреца записали. По их рукописям узнали и мы о нем.

Сократ жил за четыреста лет до того времени, как явился на землю Иисус Христос.

1885 г.] [37]

—

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ

[ВАРИАНТ К СТАТЬЕ «ГРЕЧЕСКИЙ УЧИТЕЛЬ СОКРАТ».]

* Чему надо учиться.

Не любилъ Сократъ учителей, тѣхъ, которые думали, что они все знаютъ и могутъ учить народъ. Когда сходилъ съ ними Сократъ, онъ всегда обличалъ ихъ и показывалъ имъ, что они сами не знаютъ того, чему они

учать. Зашель въ Афины учитель Протагоръ. Слава про этаго учителя шла большая, и пошелъ къ нему весь народъ его слушать. Пришелъ и Сократъ. Пришелъ Сократъ и говорить:

– Слыхаль я про тебя, что ты хорошій учитель. Скажи мнѣ, чему ты учишь?

– Я учу людей мудрости.

– Это великая наука, сказалъ Сократъ, но не можешь ли ты намъ сказать подробнѣе, какія ты учишь по своей наукѣ дѣла дѣлать. Если я спрошу музыканта, какія онъ учитъ дѣла дѣлать, онъ отвѣтитъ мнѣ, что учитъ играть. Если спрошу корабельщика, онъ скажетъ, что учитъ корабли строить. Спрошу каменщика, онъ скажетъ – камни тесать. Вотъ такъ. я и тебя спрашиваю: какія ты по своей наукѣ учишь дѣла дѣлать?

– Я учу,– отвѣчалъ Протагоръ,– убѣждать людей тому, чтобы они дѣлали то, что я имъ совѣтую.

– Когда ты убѣждаешь людей,– сказалъ Сократъ,– ты убѣждаешь ли для своей пользы или для ихъ пользы?

– Для ихъ пользы,– отвѣтилъ Протагоръ.

– Люди,– сказалъ Сократъ,– всѣ дѣлаютъ разныя дѣла: одни пашутъ, сѣютъ, другіе кузнецы, башмачники, каменщики – всѣ ищутъ себѣ пользы и видятъ пользу каждый въ своемъ ремеслѣ. Если ты убѣждаешь ихъ для ихъ пользы, то ты долженъ знать всякое ремесло, чтобы указать каждому человѣку, какъ его лучше дѣлать. Ты учишь, стало быть, всѣмъ наукамъ и всѣмъ ремесламъ?

– Нѣтъ, отвѣчалъ Протагоръ. Я не учу всѣмъ наукамъ и всѣмъ ремесламъ, а я учу тому, что нужно знать каждому человѣку ученому: учу арифметикѣ, геометріи, стихотворчеству, философіи, и когда молодой человѣкъ узнаетъ все это, онъ будетъ знать, что нужно для пользы всякаго человѣка.

Комментарии Н. К. Гудзия [38]

«ГРЕЧЕСКИЙ УЧИТЕЛЬ СОКРАТ».

В начале 1885 г. по инициативе В. Г. Черткова при ближайшем сотрудничестве П. И. Бирюкова возникло издательство «Посредник».

Толстой принимал самое горячее участие в делах издательства. Он, как известно, сам представил ему ряд своих рассказов, и по его почину другие известные писатели сделали то же. Но широко задуманная организация печатания литературы для народа, одинаково удовлетворявшей требованиям художественным и идейным, страдала от недостатка подходящего материала. С целью восполнить этот недостаток к составлению книжек для народа привлечены были различные лица, разделявшие те задачи, какие поставил себе «Посредник», и способные их осуществлять. На их долю выпало или сочинение оригинальных рассказов религиозно-морального характера или компилирование произведений нравственно-поучительной литературы, особенно житий святых. Одной из таких компиляций, напечатанной «Посредником» в 1886 г., была книжка «Греческий учитель Сократ», написанная А. М. Калмыковой [39] в тесном сотрудничестве с Толстым. Толстой не только усиленно переделывал и исправлял текст Калмыковой, но и сам почти целиком написал IX главу этой книжки – «Что нужно знать каждому человеку?»

Знакомство Калмыковой с Толстым произошло во время проезда Толстого через Харьков, очевидно в 20-х числах марта 1885 г., когда он возвращался из Крыма, куда сопровождал больного своего друга кн. Л. Д. Урусова. В письме к нему от начала апреля того же года Толстой пишет: «В Харькове меня-таки встретили дамы и одна, Калмыкова, проехала со мной до Орла. Ее жизнь Сократа вышла превосходная книжка, если она еще поправит ее. [40] Видимо, на пути между Харьковом и Орлом Калмыкова ознакомила Толстого со своей работой и получила от него ряд советов и указаний для исправления и дополнения этой работы. 23 марта она пишет Толстому: «Сократа внимательно перечла и усердно дополню. Вы сняли с меня мешавшие путы – страх отступить от истории, заботу об объеме очерка. Через три недели, надеюсь, рукопись будет у вас» (АТБ). Днем раньше Толстой сам писал Калмыковой по поводу Сократа: «Пожалуйста, пришлите мне поскорее вашего Сократа. Вы увидите, что я с любовью сделаю всё, что сумею и смогу, над этой работой». [41] Приблизительно через неделю Толстой вновь торопит Калмыкову с присылкой: «Сократа пришлите поскорее. Я надеюсь отдать его в народное издание. Будет хорошая книга». [42] 6 апреля Калмыкова отвечает: «Сократа надеюсь выслать через неделю» (АТБ). Около 16 апреля Толстой пишет ей: «Очень рад был получить сегодняшнее ваше письмо. Я только что стал беспокоиться о вашей работе – Сократ, а вы пишете, что скоро кончите и привезете. Очень рад и тому и другому. По всем вероятностям я буду в Москве, и если надо будет и можно, то поправлю вашу рукопись, и отдадим печатать». [43]

Работа Калмыковой сильно заинтересовала и В. Г. Черткова, который, прослушав отрывок из нее, 26 апреля написал Толстому восторженный отзыв как о самой работе, так и о личности Сократа. [44]

В конце апреля Калмыкова приехала в Ясную поляну и прочла Толстому то, что успела переделать и дополнить в своей книжке. 2 мая по этому поводу Толстой пишет В. Г. Черткову: «Калмыкова была и читала то, что она поправила и прибавила. Эта книга будет лучше всех, т. е. значительнее всех». [45]

Вернувшись из Ясной поляны в Харьков, Калмыкова тотчас принялась за дальнейшую переработку Сократа, которая вскоре была закончена. 9 мая она пишет Толстому: «Вчера послала Вам Сократа, Лев Николаевич, послала даже не перечитавши толком переписанное набело... Название глав я написала карандашом, чтобы вы могли изменить их по своему усмотрению. Названиям глав я придаю значение, а потому, пожалуйста, обратите на них внимание... Более всего дорожу главой – «Что нужно знать каждому человеку».[46] Лучше написать сил нехватило. Лев Николаевич, просмотрите ее и измените по-своему, если нужно. Нарочно оставила для этого чистые листы. Последний закон – любовь к прекрасному (искусство) и познание полезного (знания) долго меня мучил. Нужно бы понятнее формулировать, но не сумею»[47] (АТБ).

В письме к В. Г. Черткову от 10–11 мая Толстой сообщает о получении им «Сократа», которого он называет «превосходным», но опасается, что цензура его запретит.[48] В середине мая о получении рукописи и о работе над ней Толстой извещает и Калмыкову: «Получил рукопись. Нынче целый день занимался ею. Хотелось бы сделать всё, что умею, для улучшения формы. Содержание очень хорошо... Когда отдам набирать, напишу... Хочется много поправлять. Согласны ли вы?». [49] Тогда же приблизительно, 15 мая, Толстой пишет В. Г. Черткову: «Я поправляю Сократа и, боюсь, не скоро кончу. Хочется, чтобы было как можно лучше. Постараюсь скорее».[50]

Калмыкова с большой радостью предоставила Толстому переделывать рукопись по его усмотрению. В ответ на его письмо она пишет ему 18 мая: «Ужасно счастлива, что вы приложили свою руку к «Сократу». Другого Сократа по богатству биографического материала в истории нет, и мне испортить эту тему было бы крайне больно. Великое вам спасибо и даже не вам, а судьбе, богу, давшим мне возможность работать при таких условиях» (АТБ).

Пользуясь разрешением Калмыковой, Толстой принялся за радикальную переработку написанного ею. 24 мая он пишет ей: «Сократа вашего я мараю отчаянно. Сохраните у себя черновую, а то я так измараю и запутаюсь, что бывало со мной, и то испорчу, и своего не сделаю. Очень уж хорошо и значительно. Я более недели пристально занимаюсь им. Так как ни вам не нужно авторское удовлетворение, ни мне, то дело только в том, чтобы было на пользу людям. – Сколько бы я не переделывал, основа ваша. Не было бы вашей умной, доброй и смелой работы – не над чем и было бы работать. – Мне остается последний разговор о святости, который я хочу вставить из Энтифроона, и потом Апологию и беседу о загробной жизни и смерть пересмотреть. Всё же перед этим я кончил начерно, и дочь переписывает... Да еще хочется из Протагора разговор о том, почему люди, зная, что дурно, делают дурное, и из этого рассуждение о том, что нравственности можно и должно учиться».[51]

Около того же времени, 20–22 мая, об усиленной работе своей над «Сократом» Толстой пишет В. Г. Черткову в Англию: «Сократа я взял с собою в деревню и вот уже несколько дней работаю над ним с большим увлечением. Надеюсь, что Калмыкова простит меня за мои перемены. Основа та же, но переделываю много. Предмет необыкновенной важности. Столько самого главного можно сказать свободно в этой форме. Надеюсь

дня через два кончить. Потом надо переписать, и тогда пришло в Петербург. Напишите, какой адрес. Очень желательно, чтобы прошло в цензуре». [52]

О том же – в письме к П. И. Бирюкову от начала июня: «Сократа я пачкаю и порчу и даже запутался в нем и потому не присылаю. Я им очень дорожу и надеюсь, что мы с А. М. Калмыковой доведем это до еще много лучшего. Я ей писал и жду ответа». [53]

Тогда же Толстой пишет В. Г. Черткову: «С Сократом случилась беда. Я стал переделывать, стал читать Меморабии, [54] Платона и увидел, что всё это можно сделать лучше. Сделать я всего не сделал, но всё измарал, и Калмыковское и свое, и запутал и остановился пока. Я писал об этом Калмыковой и жду ее ответа. Можно напечатать, как было, ее изложение, а потом вновь переделать его; но можно, и по-моему лучше, не торопиться и с ней вместе обдумать и исправить. Удивительное учение – всё то же, как и Христос, только на низшей ступени. И потому особенно драгоценно. Если ясно выразить то, до чего дошло учение истины на низшей ступени, то очевидно будет, что оно могло пойти дальше в том же направлении (как оно и было), а не пойти назад, как это выходит по церковным толкованиям. Бог нас наставит как лучше, но теперь не готово». [55]

В связи с этой работой В. Г. Чертков время от времени делится с Толстым своими мыслями о личности и учении Сократа. Так, он пишет ему о том, что, по словам сведущих людей, личная жизнь Сократа была далеко не безупречной, а во многих отношениях даже скверной, и, быть может, не следует замалчивать эти отрицательные стороны его характера, чтобы неискушенные читатели не приравнивали Сократа к святым и не ставили его учение рядом с учением Христа. [56] В ответ на это Толстой пишет Черткову 9–10 июня: «То, что вы говорите о Сократе, и правда, и нет, по-моему. Правда важная и которую вы мне часто напоминаете, что всякая ложь неизбежно влечет за собою зло, но неправда, мне кажется, то, чтобы жизнь Сократа была дурная. По Эпиктету и Платону – напротив. Я согласен, что не следует приписывать Сократу того, что мы узнаем от Христа, но и не следует подчеркивать того слабого, что мы найдем в нем, если мы и найдем такое. Ваше замечание мне полезно. Если я кончу это дело, то я воспользуюсь им – вашим замечанием». [57]

В это время у Толстого в работе над «Сократом» происходит некоторый перерыв. «Я что-то вышел из колеи умственной работы, и Сократ не подвигается», пишет он А. М. Калмыковой 11 июня. [58] Но к началу июля эта работа была закончена и окончательно переслана Калмыковой, судя по следующим строкам письма Толстого к П. И. Бирюкову, написанного около этого времени: «Передайте привет Александре Михайловне. Она прекрасный сотрудник. Что Сократ?» [59]

19 июля Калмыкова пишет Толстому:

«Вчера перечла Сократа и только вчера почувствовала, сколько вы для него сделали, Лев Николаевич. Как чудесно просто, картинно вышел миф о Геркулесе. [60] Как вы хорошо дополнили главу более всего тревожившую меня: «Какое знание больше всего нужно людям?» [61] Она

вышла очень серьезной; быть может, легкомысленные и не одолеют, а без нее бы Сократ и цены не имел. Будут же и такие, и не мало их, которые и прочтут, и поймут и толковать о ней будут» (АТБ).

Как видим из приведенного материала переписки, Толстой проявил исключительный интерес к книжке Калмыковой и сам потратил на переработку и дополнение ее много времени и энергии. Это, конечно, потому, что личность Сократа и его учение были очень близки и дороги Толстому. Видимо, Толстой и в жизненной судьбе Сократа усматривал нечто напоминающее его собственную судьбу. Некоторые места книжки написаны так, что они легко могли бы быть применены и к самому Толстому и к его биографии.

Мы располагаем следующими рукописными материалами, относящимися к «Сократу» и хранящимися в Институте русской литературы Академии наук СССР.

1. Расшитая тетрадь, состоящая из 48 четвертушек (3 чистые) с полями, исписанная рукою А. М. Калмыковой, с многочисленными исправлениями, перечеркиваниями текста, приписками и вставками среди текста и на полях рукою Толстого. Толстым же здесь написаны новые заглавия взамен некоторых калмыковских и изменен порядок отдельных глав. Исписанные страницы пронумерованы от 1 до 75 рукою Калмыковой, от 75 до 90 – рукою Толстого. В тетради 9 глав статьи и начало 10-й (на последней странице). В последней четвертушке с левой стороны оторвана часть текста. Его продолжение переложено в рукопись № 2. Заглавия отдельных глав написаны рукою Калмыковой, карандашом. Таким образом мы имеем здесь дело с той рукописью, которая послана была Калмыковой Толстому 8 мая 1885 года и о которой она говорит в письме к нему от 9 мая (см. выше). Первоначальное заглавие статьи «Учитель греческого народа Сократ», данное Калмыковой всей книжке, переделано Толстым так: «Греческий учитель Сократ».

2. Сшитая тетрадь в 61 четвертушку (122 страницы, из которых 8 чистые). На 1-й нумерованной странице – заглавие: «Греческий учитель Сократ», на 2-й, также нумерованной, – оглавление книжки. И то и другое написано рукою Калмыковой. Далее на 76-ти страницах идут первые девять глав статьи, переписанные рукою Т. Л. Толстой и рукою неизвестной (всего 4 страницы) с рукописи Калмыковой, исправленной Толстым и описанной нами под № 1. Страницы нумерованы рукою переписчицы. Копия очень исправная. В ней всего три поправки рукою Толстого, и на полях его же рукою проставлены три нотабены. Последняя – 76-я страница, в большей своей части оставшаяся незаполненной переписчицей, заполнена началом главы X («Суд над Сократом»), написанным рукою Калмыковой. Вслед за этим к копии, написанной Т. Л. Толстой, пришито написанное рукою Калмыковой продолжение тетради, описанной под № 1, начиная со страницы 91 до конца. Здесь поправок, сделанных Толстым, гораздо меньше, чем в рукописи № 1, заключающей в себе первые девять глав и начало десятой. Поэтому эта часть калмыковской рукописи не переписывалась и механически присоединена была к переписанным первым девяти главам. Начиная с 91-й страницы нумерация сделана рукою Толстого. Текст, заключающийся между страницами 120 и 127 (гл. XII – «Последняя беседа Сократа») и затем после страницы 132-й, вырезан, и вместо

него вклеены две исписанные с обеих сторон рукой Калмыковой нумерованные четвертушки. Очевидно, на вырезанных четвертушках находилось слишком много исправлений Толстого и зачеркнутых им мест, и исправленный текст этих четвертушек переписан был заново. В двух случаях Толстым сплошной текст выделен в особые главы: «Сократ в тюрьме» и «Последняя беседа Сократа» (заглавия принадлежат Толстому).

3. Автограф Толстого на одной четвертушке, исписанной с обеих сторон, озаглавленный «Чему надо учиться?» Заключает в себе начало беседы Сократа с Протагором. Это, видимо, начало новой главы, которую Толстой собирался ввести в книжку о Сократе. Печатаем этот автограф целиком в отделе вариантов.

4. Автограф Толстого на одной четвертушке. Исписана (не до конца) лишь лицевая страница. Начало: «Были в то время въ Афинах учителя». Конец: «чтобы людямъ хорошо жить было». Это – вторая попытка написать главу, посвященную беседе Сократа с Протагором, так же как и первая, неосуществленная.

Исправления, сделанные Толстым в первых девяти главах рукописи Калмыковой, таковы, что они, в сущности, сводят на нет всю первоначальную работу Калмыковой в пределах этих глав. Нет почти ни одной фразы, которая не была бы переделана Толстым. В большинстве случаев Толстой зачеркивает всё написанное Калмыковой и между строк и на полях пишет свое. Работа Толстого сводилась, с одной стороны, к изменению содержания статьи, внесению одних подробностей и устранению других и, с другой стороны, – к стилистической переработке текста. Книжно-литературный язык Калмыковой упрощался в направлении той литературной манеры, которая характерна для народных рассказов самого Толстого.

Вот параллели:

Калмыкова:

Толстой:

Покровительницей города Афин считалась богиня Афина: в честь ее и был назван город. Изображали эту богиню в виде девушки с строгим лицом, в шлеме и с копьем в руке. Подходя к Афинам, всякий издали мог заметить блестящий на солнце золотой шлем и копье богини.

Посль Зевса въ почетъ была еще богиня Афина. Въ честь ея и былъ названъ городъ. Была такая кукла большая вытесана изъ камня и поставлена на главной площади. На головѣ у нея былъ золотой шлемъ, въ рукѣ было золотое копье.

Но известно было также, что Афина хитра и жестока, что часто помогает своим любимцам во вред другим людям.

По рассказам была эта Афина хитрая и жестокая, помогала своим любимцам, а другим вредила безъ вины.

О других богах греческих ходили такие же рассказы.

Про другихъ боговъ учили про такія же плохія дѣла.

Работу Калмыковой в пределах первых девяти глав можно рассматривать как источник, которым воспользовался Толстой для собственной работы, такой же источник, как народные легенды, сказки или жития святых, подвергнутые Толстым литературной обработке. На этом основании мы вправе первые девять глав «Сократа» причислить к произведениям Толстого.

Что касается четырех следующих глав, то, как указано было выше, доля участия Толстого в обработке их гораздо меньшая, чем в первых девяти главах, и сводится преимущественно к стилистическим поправкам и разбивке глав, которым даны новые заглавия. Однако в двух случаях и здесь текст Калмыковой, видимо, радикально был переработан Толстым (стр. 121–126, 133, 134; см. выше).[62]

С самого начала работы Толстой серьезно опасался за то, что цензура не пропустит книжку, и в связи с этим подумывал о том, как ослабить цензурные угрозы. В середине апреля он пишет Калмыковой: «Не лучше ли Сократа отдать в цензуру Харьковскую? Я думаю, у вас есть знакомые, и там пройдет легче. Если так, то подготовьте».[63] 10–11 мая в письме к В. Г. Черткову Толстой также высказывает беспокойство относительно цензуры: «Сейчас получил Сократа от Калмыковой. Это будет превосходно, но ужасно боюсь за цензуру. Какие ваши планы были об этом? В Москве или Петербурге?»[64]

Дело в том, что московская цензура была гораздо строже петербургской и провинциальной, и потому наиболее рискованные в цензурном отношении произведения «Посредник» предпочитал пропускать не через московскую цензуру, а через петербургскую или провинциальную, притом представляя их туда не от имени издательства, а от имени какого-либо частного лица, к издательству близко стоявшего. При этом в ряде случаев на обложке некоторых наиболее рискованных книжек намеренно не указывалось, что они изданы «Посредником».

В. Г. Чертков сам рекомендовал Толстому обратиться в петербургскую цензуру и предполагал воспользоваться при этом услугами книгоиздателя Павленкова. 11 мая он пишет Толстому: «Павленков здесь охотно взялся представлять в цензуру наши рассказы. Ему лучше всего отдать Сократа... Пожалуйста, если какая-нибудь урезка постигнет

какой-нибудь из ваших рассказов или текстов, то раньше, чем помириться с этим, пришлите их ко мне для испытания здешней, более, говорят, самостоятельной цензуры». [65]

И действительно, петербургская цензура оказалась к «Сократу» очень терпимой: она пропустила его без всяких урезок и изменений. 13 сентября Калмыкова пишет Толстому: «Вчера отправилась в цензурный комитет со страхом и трепетом узнать о судьбе Сократа, но страх мой скоро перешел в ликование: рукопись возвратили без единой пометки и с дозволением печатать» (АТБ). 20 декабря В. Г. Чертков сообщает Толстому: „«Сократ» выйдет на этих днях“. [66] Книжка напечатана была, как и все издания «Посредника», в типографии И. Д. Сытина, но без указания на то, что она является изданием «Посредника». Год издания, проставленный на ней – 1886. Цензурное разрешение – 8 сентября 1885 г., на обложке – 21 ноября 1885 г. На обложке заглавие «Сократ» и затем – на первой странице – «Греческий учитель Сократ». На передней и задней страницах обложки – рисунки художника А. Д. Кившенко. Имена составителей книжки не указаны. 17 августа Калмыкова писала Толстому: «Если вы не согласны подписаться под Сократом, то пусть и моего имени не будет так же, как и на всех следующих работах, если бог приведет что-нибудь написать» (АТБ).

Все издания книжки, начиная с первого, выполнены очень небрежно. Так, в первом издании ее и во всех последующих в I главе после слов: «как люди на земле», стр. 430 строка 23, выпущен весь конец абзаца, начиная со слов: «и женятся, и блудят», и вместо него напечатано: «и друг на друга и на людей зло держат». Благодаря этому начало следующего абзаца: «Начал же царствовать на небе Зевс» является неосмысленным, так как до этого о Зевсе в книге ничего не говорится. Далее после слов: «и обманывал ее», стр. 430 строки 31–32, во всех изданиях выпущен большой кусок текста от слов: «как напивался допьяна», стр. 430 строка 32, кончая: «про такие же плохие дела», стр. 431 строка 8. После слов: «а дела их были человеческие», стр. 431 строка 9, выпущены слова: «да еще часто плохие». В первом издании, во II главе, выпущен очень большой кусок текста, начиная со слов: «что для того, чтобы земля родила», стр. 434 строка 36, кончая: «чтобы на старости», стр. 435 строки 38–39, отчего в книжке читается бессмысленная фраза: «Ведь ты сам знаешь, не каяться на свою глупость и не помереть, не угодив ни себе, ни людям, ни богу». В последующих изданиях этот пропуск восстановлен. Кроме того, во всех печатных изданиях «Сократа» много более мелких пропусков, ошибок и опечаток.

В настоящем издании текст «Сократа» печатаем по просмотренной и исправленной Толстым рукописи, описанной под № 2, привлекая для первых девяти глав и текст рукописи, описанный под № 1.

Первые девять глав печатаем как произведение Толстого корпусом, четыре же последние главы – петитом, выделяя в них корпусом слова, принадлежащие Толстому. В сносках внизу страницы печатается первоначально написанное Калмыковой, зачеркнутое Толстым и замененное им или не замененное другими словами. Слово «зачеркнуто» с соответствующей сноской в тексте и внизу страницы под строкой означает, что данное слово или слова зачеркнуты Толстым после того

слова текста, около которого поставлена сноска.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддхарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым,

редактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой)

не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опiskой.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов,

означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

Недовольные на

2

недовольных на

3

худого праведника–чудака

4

Здесь конец абзаца, написанный Калмыковой после слова: придумали, стерт.

5

Скоро стало известно, что над Сократом назначается суд.

6

намерен

7

Вся моя жизнь у всех была на глазах, пусть она послужит

8

правота

9

неправота

10

в чем мужество и трусость

11

Зачеркнуто: не умею говорить или

12

Зач.: Граждане.

13

Зачеркнуто: был назначен стараниями его недоброжелателей

14

Этих недоброжелателей

15

была за то

16

Зач.: у них оказалось тремя голосами больше

17

провозгласили

18

изгнание из отечества

19

Зач.: изгнанником

20

Написано вместо зачеркнутого и стертого Калмыковой.

21

осудив

22

Заглавие написано рукой Толстого.

23

преданные ему граждане и

24

какую-нибудь соседнюю

25

решено было

26

что пойдет

27

Строгое лицо Сократа не предвещало успеха.

28

Зачеркнуто: сказал он,

29

труса, изменника

30

трус, а изменишь ты только тем дурным людям

31

изменяю

32

врагам своим, но всем людям

33

Заглавие написано рукой Толстого.

34

Страшно убивалась бедная женщина

35

Взятое в квадратные скобки вторично переписано Калмыковой на отдельной четвертушке, которая вклеена между страницами, помеченными Толстым цифрами 120 и 127. Очевидно, на страницах 121–126 было очень много поправок и сокращений, сделанных рукой Толстого; и потому исправленный текст, на них написанный, был переписан вновь.

36

Зачеркнуто: Нельзя было равнодушно смотреть на их горе.

37

Взятое в квадратные скобки вторично переписано Калмыковой на отдельной четвертушке, которая приклеена вслед за страницей, помеченной Толстым цифрой 132. Очевидно, и здесь вновь написанное на четвертушке заменило собой сильно исправленный Толстым текст Калмыковой.

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

Александра Михайловна Калмыкова (1849–1926), рожд. Чернова, вдова сенатора Д. А. Калмыкова, известная деятельница по народному просвещению в 1887–1888 гг. Вместе с Х. Д. Алчевской участвовала в составлении первой в этом роде книжки «Что читать народу?» (Харьков, 1884). Принимала живое участие в деятельности комитета грамотности при Петербургском Вольно-экономическом обществе. В течение нескольких лет работала в народных и воскресных школах. Первое время по открытии издательства «Посредник» принимала близкое участие в его редакции. В 1890–х гг. принимала участие в издании социал-демократического журнала «Начало», а после запрещения его в 1899 г. – журнала «Жизнь». Преимущественно на ее средства, доставлявшиеся ей ее книжным складом, издавалась за границей социал-демократическая газета «Искра». В начале 1900 гг., после высылки из Петербурга, уехала за границу. Находилась в личном общении и переписке с В. И. Лениным. Вернулась в Россию в 1905 г. Последние годы жила в санатории Центральной комиссии по улучшению быта ученых (Цекубу), в Детском селе, где и умерла.

40

Том 63, стр. 225.

41

Том 63, стр. 215.

42

Там же, стр. 220.

43

Там же, стр. 237.

44

Там же, стр. 174.

45

Там же, стр. 174.

46

Глава IX книжки. Заглавие Калмыковой сохранено.

47

Почти весь текст этой главы, за исключением нескольких начальных фраз, в рукописи Калмыковой зачеркнут Толстым и на полях им написан новый текст. Глава эта ошибочно занумерована Толстым цифрой VIII. Эта ошибочная нумерация IX главы, видимо, и подала повод А. Л. Бему в «Биографическом указателе творений Л. Н. Толстого», Лгр – 1926, стр. 18, утверждать, что в книжке Толстым самостоятельно написана глава VIII.

48

См том 85, стр. 197.

49

Том 63, стр. 248.

50

Том 85, стр. 202.

51

Том 63, стр. 252. Здесь Толстой имеет в виду «Диалоги» Платона, которыми он пользовался при переработке «Сократа»: «Эвгифрон», «Апология Сократа», «Федон» («О загробной жизни и смерти») и «Протагор». «Последний разговор о святости» Толстой, видимо, намерен был включить в главу XII – «Последняя беседа Сократа», но ни в эту главу, ни в какую-либо другую этот разговор не попал. Беседа о загробной жизни, как и разговор из Протагора, в книжке также

отсутствуют. Много позднее беседа Сократа о загробной жизни введена
была Толстым в его статью «Смерть Сократа», вошедшую в «Круг
чтения».

52

Том 85, стр. 207.

53

Том 63, стр. 255.

54

Воспоминания о Сократе, написанные его учеником Ксенофонтом.

55

Том 85, стр. 210.

56

См. том 85, стр. 227.

57

Том 85, стр. 225.

58

Том 63, стр. 261.

59

Там же, стр. 270.

60

Этот миф изложен в главе II, озаглавленной «Как жить надо?»

61

Глава IX, озаглавленная в книжке «Что нужно знать каждому человеку?»

62

Приблизительно двадцать лет спустя Толстой вновь вернулся к работе над «Сократом» и написал о нем две статьи для «Круга чтения» – «Суд над Сократом» и «Смерть Сократа». В этих статьях использованы были кое-какие материалы, послужившие и для книжки «Греческий учитель Сократ», но сами статьи написаны другим стилем, не столь популярным, как книжка.

63

Том 63, стр. 237.

64

Том 85, стр. 197.

65

Там же, стр. 198.

66

Том 85, стр. 363.